

УДК 342:349.3:418.6

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/40>

ФИЛОСОФИЯ РЕФОРМ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА МВД КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

©Иманкулов Т. И., ORCID: 0000-0003-0512-7759, SPIN-код: 3846-5907, канд. юрид. наук,
Киргизский национальный университет им. Жусупа Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан, timur232007@mail.ru

PHILOSOPHY OF REFORMS AND STATE-LEGAL BUILDING OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

©Imankulov T., ORCID: 0000-0003-0512-7759, SPIN-code: 3846-5907, J.D., Kyrgyz National
University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan, timur232007@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует причины неудачных реформ МВД Киргизской Республики за все время суверенитета Киргизской Республики и предлагает рассматривать вопросы государственно–правового строительства МВД по предлагаемому классиком данной темы в России профессором Ю. Е. Аврутиным философскому плану: в русле аксиологии, гносеологии и онтологии. Автор на основе философского подхода делает вывод о том, что в настоящее время единственным нормативным документом, определяющим основные ориентиры реформирования МВД, является Концепция национальной безопасности Киргизской Республики 2012 года.

Abstract. The author analyzes the reasons for the failed reforms of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic for the entire time of the sovereignty of the Kyrgyz Republic and suggests examining the issues of state–legal construction of the Ministry of Internal Affairs on the proposed classic by this topic in Russia, Professor Yu. E. Avrutin’s philosophical plan: in line with axiology, epistemology and ontology. The author, based on a philosophical approach, concludes that at present the only normative document defining the main guidelines for reforming the Ministry of Internal Affairs is the 2012 National Security Concept of the Kyrgyz Republic.

Ключевые слова: Киргизская Республика, национальная безопасность, аксиология, гносеология, онтология, органы внутренних дел, концепция, реформа, модернизация, Россия.

Keywords: Kyrgyz Republic, national security, axiology, epistemology, ontology, internal affairs bodies, concept, reform, modernization, Russia.

Среди важнейших политико-правовых преобразований, ознаменовавших новейший период истории Киргизской Республики, можно смело назвать многочисленные попытки реформирования органов внутренних дел Киргизской Республики.

Однако значимый сам по себе этот факт начнет нести позитивную содержательную нагрузку, если формирование этого института в правовом и аксиологическом отношении будет тесно увязано с нормами и принципами Конституции Киргизской Республики, международными стандартами деятельности полиции и определением ее места в системе правоохранительных органов.

Задача непростая, особенно если учесть, что Конституция Киргизской Республики не содержит правовых норм, регулирующих организацию и деятельность полиции. На Западе, в частности в странах ЕС, ситуация иная.

В системе этих отношений органы полиции, как справедливо отмечает корифей теории организационно–правового строительства МВД России профессор Ю. Е. Аврутин, являются субъектом косвенного конституционно–правового регулирования, действуя в качестве одного из субъектов обеспечения общественной безопасности и общественного порядка (косвенное конституционно-правовое регулирование) [1, с. 51].

Как правило, конституционно–правовое воздействие на данные отношения осуществляется посредством конституционных норм–принципов, сутью которых является безусловное уважение и соблюдение прав и свобод человека. В этой связи остается непонятным то обстоятельство, что реформа МВД Киргизской Республики никак не достигнет своего логического завершения и всегда ограничивается преобразованием, изменением, видоизменением деятельности одного из подразделений. Последний яркий пример — создание в очередной раз так называемой Патрульной милиции на базе ППСМ и ГУОБДД МВД Киргизской Республики. До него были создание вместе следственных управлений и отделов Следственной службы, а также других служб по такому же лекалу: службы криминальной милиции, службы общественной безопасности, службы борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Указанные процессы организационно-правового строительства МВД Киргизской Республики идут постоянно, однако им присуща спонтанность, отсутствие общей законодательно определенной цели. В этих условиях, когда отсутствует четкая, понятная, транспарентная стратегия организационно–правового строительства или реформирования, либо модернизации органов внутренних дел Киргизской Республики, тема настоящего диссертационного исследования, а также угол рассмотрения проблем в данной сфере, представляется крайне актуальной.

Авторское видение перспектив реформирования МВД Киргизской Республики сформулировано в работе как теоретическая конструкция, созданная силой абстрактной методологии и авторской оценки судебно-правовой реформы в стране в настоящее время, системой обеспечения национальной безопасности. Автор сформулировал механизм реализации государственной политики по реформе органов внутренних дел в виде соответствующих задач для правотворческих и правоприменительных органов с учетом накопившихся ошибок и просчетов реформ МВД, начиная с 1998 года по настоящее время, беспорядочных изменений в структуре и полномочиях органов исполнительной власти. Перевод, перенесение этих ошибок на реформирование МВД Киргизской Республики позволил автору выделить следующие риски:

–подмена законодательной реформы МВД перераспределением полномочий как внутри ведомства, так и между правоохранительными органами в целом.

–сведение процессов реформирования к смене наименований структурных подразделений центрального аппарата МВД.

–непрекращающиеся изменения приоритетных направлений развития МВД Киргизской Республики.

Сворачивание процессов реформирования указанием государства на ограниченность государственного бюджета, хотя сегодня имеется реальная возможность надлежащего материального оснащения, поддержки реформы от поступления штрафов согласно новому Кодексу Киргизской Республики о нарушениях в основном за счет штрафов за нарушения безопасности дорожного движения. Только на сегодня эта сумма составила около 456 млн

сомов [2]. Всего за пять лет (с 2013 г. по 2018 г.) поступления от штрафов, взысканных с нарушителей ПДД, достигли 1 миллиарда 908 миллионов сомов [3].

В 1997 г. началось реформирование уголовно-исполнительной системы, завершившееся передачей в 1998 г. ГУИН из МВД в Минюст Киргизской Республики. Затем была передана пожарная служба и образовано МЧС. В 2009 г. из МВД в ГРС были переданы паспортно-визовые отделы и отделы РЭО ГАИ, несколько раз МВД лишалось внутренних войск, на очереди вневедомственная охрана и лицензионно-разрешительная система, не говоря уже о следственных подразделениях, а также по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Такие «реформы» свидетельствуют о непонимании властью институционально-функционального построения системы МВД как взаимодействия следствия, оперативной составляющей и наружной, которые на языке права называются уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и административной деятельностью ОВД.

Передача ГУИН значительно осложнила борьбу с преступлениями прошлых лет.

Государственная миграционная служба не имеет права проверять паспортный режим. Даже если бы и могла, имела такое право, как она будет это делать без УИМ, ИДН, ППСМ. Точно так же трудно найти логические объяснения атамбаевской реформе 2016 г., когда следственные отделы РОВД были переименованы в следственные службы, а уголовный розыск стал криминальной милицией. Тем более, произошло их отделение от начальника РОВД, который не имеет возможности воздействовать на их назначения. Точно так же, как и Министр внутренних дел на сегодня не назначает начальников Следственной службы МВД и Службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а также Патрульной милиции, ГУГССО. Внутри МВД происходят кадровые изменения, которые противоречат одному из главных постулатов деятельности ОВД — единоначалию.

Вот почему так остро стоит вопрос о разработке государственной политики организационно-правового строительства МВД Киргизской Республики в целом, государственной политики, способной противостоять, более того, положить конец, свести на нет, пресечь указанные разрушительные тенденции и процессы внутри самого МВД, учитывая ограниченные ресурсы государства, экономический кризис, централизацию. Стабильность и надежность функционирования МВД, способность положить конец бесконечным перекраиваниям под видом реформ обеспечит новый аксиологический, онтологический взгляд на МВД как на систему, особую социальную правоохранительную систему в системе государства, по реализации государством функции охраны прав и свобод личности, общества и государства от нарушений прав, свобод, законных интересов.

Онтологическими формами реформы МВД являются процессы реформирования государственного управления в стране в целом.

Юрико-аксиологическим компонентом реформы МВД являются конституционные ценности, закрепляющие отношения человека и государства.

Критика различных направлений реформы МВД, познание ее различными учеными, политиками, нормативными правовыми актами образуют гносеологический компонент реформы МВД. Доктринальными нормативными документами, рассчитанными на перспективу в сфере борьбы с преступностью, на сегодня являются концепции, стратегии, доктрины, государственные программы. В Киргизской Республике их было несколько. В настоящее время действует Концепция национальной безопасности 2012 г, которая охватывает все направления деятельности органов внутренних дел по противодействию любым угрозам личности, общества и государства. Ее анализ однозначно позволяет прийти к выводу о том, что в настоящее время органы внутренних дел Киргизской Республики являются самым многочисленным государственным субъектом обеспечения национальной

безопасности, однако в условиях несоответствия законодательства, регулирующего их деятельность, они сами подвержены воздействию угроз национальной безопасности, прежде всего, коррупции, поскольку отсутствует законодательное закрепление проведения конкурсного отбора на должности следователей, уполномоченных должностных лиц органов дознания, экспертов-криминалистов как основных субъектов уголовного процесса со стороны государства, которые расследуют уголовные дела, дела о проступках, нарушениях.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что реформирование МВД Киргизской Республики должно проводиться на основании Конституции Киргизской Республики, международных стандартов деятельности полиции, Концепции национальной безопасности Киргизской Республики 2012 г., положительного опыта ведущего, стратегического партнера Киргизской Республики — Российской Федерации.

Список литературы:

1. Аврутин Ю. Е. Конституционализация правового регулирования деятельности российской полиции: аксиологические и формально-юридические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2012. №2 (54). С. 51-54.
2. 456 млн. сомов штрафов направят на реформу ГУОБДД и создание патрульной милиции по всей стране. <https://kg.akipress.org/news:1591484>.
3. Ничего себе! Сколько денег поступило в бюджет КР от штрафов за нарушения ПДД <https://clck.ru/MSGUc>

References:

1. Avrutin, Yu. E. (2012). Konstitutsionalizatsiya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti rossiiskoi politsii: aksiologicheskie i formal'no-yuridicheskie aspekty. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*, (2), 51-54. (in Russian).
2. 456 mln. somov shtrafov napravlyat na reformu GUOBDD i sozдание patrol'noi militsii po vsei strane <https://kg.akipress.org/news:1591484>.
3. Nichego sebe! Skol'ko deneg postupilo v byudzheth KR ot shtrafov za narusheniya PDD <https://clck.ru/MSGUc>

*Работа поступила
в редакцию 04.02.2020 г.*

*Принята к публикации
08.02.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Иманкулов Т. И. Философия реформ и государственно-правового строительства МВД Киргизской Республики // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №3. С. 320-323. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/40>

Cite as (APA):

Imankulov, T. (2020). Philosophy of Reforms and State-Legal Building of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic. *Bulletin of Science and Practice*, 6(3), 320-323. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/40> (in Russian).

